

УДК 82-3

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И ЕЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ВЕРСИИ:
АСПЕКТЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ (Т. Толстая «Сюжет», Б. Штерн «Второе июля четвертого
года», Ю. Арабов «Столкновение с бабочкой»)**

Ключевые слова: альтернативная история; образ времени; рекурсивность; историческая действительность в художественной литературе.

Исследуются произведения российских прозаиков, выстраивающие альтернативные версии истории России. В основе сюжета произведений лежит некая «развилка» исторического процесса, которая дает начало новой исторической реальности. Однако сквозь изображенную в текстах альтернативную реальность - как бы улучшенную версию истории, - проглядывает реальность историческая. В статье рассмотрены аспекты взаимодействия художественной реальности и реальности исторической.

В данном сообщении будут рассмотрены произведения российских прозаиков: новелла Т.Толстой «Сюжет» и повести «Второе июля четвертого года» Б. Штерна и «Столкновение с бабочкой» Ю. Арабова. Два текста написаны в 1990-е годы, повесть Арабова опубликована в 2014 г., однако они демонстрируют определенное сходство: во всех выстраиваются альтернативные версии истории России, и в силу этого они могут быть отнесены к жанру альтернативной истории в ее жанровой разновидности, называемой «контрфактической историей» («основана на допущении исторических событий, прямо противоположных реальным» [2]). Что было бы, если бы Пушкин не был убит на дуэли? Что было бы, если бы царь Николай I не отрекся? Если бы Чехов не умер? Если бы что-то заставило Владимира Ульянова не вставать на путь борьбы с монархией? Из этих вопросов и вырастает сюжет каждого произведения.

В своей книге «Культура и взрыв» Ю.М. Лотман выдвигает идею принципиальной непредсказуемости развития культуры, объясняя это наличием в ней взрывных моментов, когда события погружаются в сферу возможностей. Это те самые развилки в истории, когда события могут развиваться по тому или иному пути [5, с.39], когда свершившиеся/не свершившиеся события дают начало новой исторической реальности. «При этом, если до того, как выбор был сделан, существовала ситуация неопределённости, то после его осуществления складывается принципиально новая ситуация, для которой сделанный выбор был уже необходим, ситуация, которая для дальнейшего движения выступает как данность. <...> Для дальнейшего движения выбор - первое звено новой закономерности», - замечает Ю.М. Лотман [4, с.361].

Каково же это «первое звено» в рассматриваемых текстах? Это всегда некое **случайное** событие. Пушкин, который в трактовке Т. Толстой является главным, хоть и невольным вершителем судеб России, остается жить по случайности («некая рядовая, непоэтическая птичка Божия, спугнутая с еловых веток возней и топтанием в голубоватом снегу, какает на длань злодея. Кляк!» [8, с.258]). И так же случайно – подобно птичке – сам Пушкин через много лет, оказавшись в Симбирске, меняет жизнь маленького Володи Ульянова, когда в ответ на унижительные насмешки мальчишки жестоко лупит того палкой по голове. После этой травмы в мозге происходят необратимые изменения (результаты вскрытия умершего в преклонном возрасте Ульянова показали: «Мозг с одной стороны оказался хорошего, мышинного цвета, а с другой - где арап ударил - вообще ничего не было. Чисто» [8, с.269]), что повлекло за собой необратимые изменения и в судьбе Ульянова. У Бориса Штерна Чехов остается в живых лишь потому, что в роковую ночь 2 июля 1904 года в гостинице не нашлось шампанского, о котором просил умирающий, и ему налили спирта. Николай I в повести Ю. Арабова уже готов подписать отречение, но падает в обморок, не успев поставить подпись, а сам документ попросту уничтожает граф Фредерикс: «Пока потерявшего сознание Николая Александровича укладывали на кожаный диван, министр двора сжег листок с отречением на свече, что стояла на столике у окна. А потом долго махал руками и даже дамским веером, разгоняя едкий дым» [1, с.70].

Какая же «принципиально новая ситуация», пользуясь выражением Ю.М. Лотмана, складывается после – и в результате – этих событий? Все три текста рисуют альтернативную реальность **улучшенной версией** развития исторического процесса (хотя это не является требованием жанра: известны яркие образцы альтернативной истории, разыгрывающие негативный сценарий развития событий, в частности, «Фатерланд» Роберта Харриса, «Человек в высоком замке» Филипа К. Дика и др.).

У Татьяны Толстой Пушкин меняет судьбу России («наше все» в постмодернистском тексте в ответе за все, – в том числе и за историю), ударом палки превратив Володю Ульянова в верноподданного карьериста, – и страна, избежав революционных потрясений, процветает.

В повести Б. Штерна оставшийся в живых Чехов спасает Россию от большевистской диктатуры: получив Нобелевскую премию, он «начал скопом скупать крайних ультра-революционеров – в 1915 году в разгар войны он выделил 100 тысяч долларов – большие деньги по тем временам – на побег за границу группы видных ссыльных-большевиков, среди которых были Свердлов, Розенфельд [Каменев], Джугашвили [Сталин] с условием прекращения ими политической деятельности» [9, с.64]. В стране устанавливается советский строй, однако в намного более «мягкой» версии.

В «Столкновении с бабочкой», «книге о том, как Николай Александрович заключил сепаратный мир с Вильгельмом, окончил I мировую войну и сделал Ленина премьер-министром» (так характеризует повесть автор [7]), в стране вводится конституционная монархия, и в 1929 году, которым заканчивается повествование, Россия благоденствует: «Дела в стране шли неплохо. <...> поворот курса, носивший имя новой экономической политики, вывел на сцену молодых, справлявшихся и без Ленина. Они совмещали ограниченный капитализм с требованиями социальной справедливости и были скорее прагматиками, нежели вождями. Революционный же порыв, подобный вулкану, весь ушел во всеобщий и план ГОЭЛРО. Последний зажег в дремучих селах «лампочку Ильича», а всеобщий обучал грамоте ленивый, но смекалистый народ» [1, с.311]. Вообще Арабов, используя в одном из своих интервью [3, с.92] применительно к своей повести термин «альтернативная история», все же чаще говорит о своей произведении как об утопии [7], – и это вполне понятно.

Но во всех трех текстах сквозь картины процветающей России, которая счастливо избежала поворота в сторону революции, проглядывает страшный лик иной возможности, иного пути исторического развития.

В работах, посвященных поэтике жанра альтернативной истории, упоминается о приеме рекурсивности. С. Бережной называет этот прием среди конституирующих признаков жанра: «Отдельного упоминания заслуживает <...> прием так называемой "рекурсивности" (термин введен в англоязычном фантастиковедении), когда автор дает тем или иным способом "обратный" взгляд на нашу реальность изнутри созданной им реальности "альтернативной"» [2]. Прием рекурсивности можно найти и в исследуемых произведениях. Проанализируем, как он функционирует.

Умиравшему глубоким стариком в июле 1944 года Чехову в повести Штерна является в бреду «прищуренный японский матрос, похожий на Ленина. Опять они спорили о железнодорожном вагоне с устрицами. Чехов после смерти хотел улететь в Москву на самолете – "никогда не летал". Матрос возражал: "Где я вам самолет возьму?"» [9, с.85]. – Думаю, о том, что именно в вагоне изпод устриц тело Чехова было в 1904 году доставлено в Россию, можно было не напоминать.

Аналогично и в новелле Т. Толстой сквозь жизнь господина Ульянова, дослужившегося о Министра Внутренних дел, верноподданного российской короны («Патриот был необыкновенный, истовый...» [8, с. 266]), нет-нет да и проглянет неслучившийся в альтернативной реальности, однако так хорошо знакомый нам Ленин: «Были и странности, не без того. Купил дачу в Финляндии, нет чтобы воздухом дышать да в заливе дрызгаться, – ездил без толку туда-сюда, туда-сюда, а то на паровоз просился: дайте прокатиться» [8, с.267].

У Ю. Арабова находим: «Троцкий был готов к борьбе. Он питался этой борьбой, жил за счет нее и стоял на ногах, покуда висела угроза над его собственной жизнью. В этом плане он был похож на альпиниста, который вырубает ледорубом новую ступеньку к вершине горы. Америка... туда, туда! И вечный бой, который продолжится и после смерти» [1, с.200]. – Почему в описании Л. Троцкого появляется ледоруб, человеку, знакомому с отечественной историей, объяснять не нужно. Таким образом, некий набор ассоциаций (Троцкий – ледоруб, смерть Чехова – вагон для устриц, Ленин – прибытие на Финляндский вокзал и пр.), тесно привязанный к нашей, читательской, исторической реальности, возникая в повествовании, не позволяет нам полностью погрузиться в альтернативную реальность! И утопия оказывается непрочной и хрупкой. «...Действительность перед ним двойится, показывая язык» [1, с.157], – это чувство испытывает Яков Юровский, когда в окне Ипатьевского дома в Екатеринбурге видит вдруг «до крика знакомое лицо» и сначала принимает человека в окне за царя, а потом понимает, что «из окна второго этажа инженерного дома на него смотрел его друг Свердлов» [1, с. 157]. Расстрел в подвале Ипатьевского дома все же произойдет, однако расстреляны будут активные революционеры Джугашвили, Свердлов и другие (кстати, этот эпизод сам Арабов в одном из интервью назвал «единственным постмодернистским вывертом в книге» [7]).

В статье «Смерть как проблема сюжета» Ю.М. Лотман делает еще одно важное для нас замечание: «Следует подчеркнуть, что взгляд из прошлого в будущее, с одной стороны, и из будущего в прошлое, с другой, решительно меняют наблюдаемый объект. Глядя из прошлого в будущее, мы

видим настоящее как набор целого ряда равновероятных возможностей. Глядя в прошлое, мы видим уже два типа событий: реальные и возможные. Реальное для нас обретает статус факта, и мы склонны видеть в нём нечто единственно возможное. Нереализованные возможности превращаются для нас в такие, какие фатально не могли быть реализованы. Они становятся эфемерными» [6, с.12]. Но в альтернативной реальности, где реализовался **один** из вероятностных ходов развития российской истории, «эфемерными» становятся **все иные** реальности, – в том числе и наша, читательская, единственно возможная для нас! Она превращается в «одну из» пучка нереализованных возможностей. Художественная рефлексия этого присутствует в повести «Второе июля...». Автор-повествователь, биограф Чехова, задается вопросом: «Как развивались бы события в России, если бы Чехов умер в критический день второго июля четвертого года? Без него у большевиков были бы развязаны руки? Был ли он для них серьезным сдерживающим моментом? Было ли им НЕУДОБНО ПРИ НЕМ творить свои злодеяния?» [9, с.76]. – Штерн, опираясь на свое допущение, остроумно и парадоксально строит рассуждение: мы (из нашей реальности) гадаем, что было бы, если бы Чехов **не** умер, а повествователь «Второго июля...», наоборот, пытается представить, что было бы, если бы Чехов все же **умер**. – Таким образом, автор-повествователь штерновского текста стоит перед той самой загадкой, с которой начинают все авторы произведений в жанре альтернативной истории.

Еще один аспект взаимоотношения двух реальностей проявляется в финале текстов: историческая реальность вновь заявляет о себе. Характерен финал новеллы Т. Толстой: «Сейчас ждем, когда нового Министра Внутренних Дел назначат. Говорят, бумаги уже подписаны. Господин Джугашвили, кажется, фамилия» [8, с.269].

Парадоксален финал и в повести Ю. Арабова. В последней главе, носящей название «Дно», императору снится сон о том, что он подписал отречение. Затем он видит все трагические и страшные события, неотвратимо следовавшие за этим. Видит и страшную судьбу своей семьи. «Он проснулся внезапно, словно выскочил из ледяной проруби. Спотыкаясь и чуть не падая, помчался в комнату императрицы, которая ночевала напротив спальни повзрослевшего Алексея. <...>

– Что с вами, мой мальчик?! – выдохнула жена в полном смятении.

– Мы умерли, – сумел выдать из себя царь, – нас больше нет» [1, с.345].

Николай, казалось бы, «выныривает» в благополучную реальность из ледяной проруби кошмара. Однако последняя сцена повести вновь погружает читателя в атмосферу трагического предчувствия. С одной стороны, перед нами реалистическая сцена (император открывает первую станцию метро и в качестве почетного посетителя первым спускается по эскалатору), с другой стороны, нисхождение в бездну («Перед ними отворились стеклянные двери. Государь глубоко вздохнул, приняв себя к новому незнакомому запаху. Он был сладковатым и горьким, как пахнет мертвец. Освещение станции напоминало прозекторскую. Металлические ступени эскалатора бежали вниз.<...> За спиной стояла толпа корреспондентов. Еще мгновение, и она пропала из глаз, только вспышки магния играли на стенах тоннеля, ведущего вниз.

И оттуда, из-под ног, раздался властный гудок ждущего их поезда» [1, с.350]].

Альтернативная история (начиная еще с А. Тойнби и его размышлений о том, что было бы, если Александр Македонский справился с болезнью) – всегда является своего рода «шахматной партией», в которой как РАВНОВОЗМОЖНЫЕ проигрываются разные варианты истории. В рассматриваемых же нами текстах партия – независимо от того, каков был ее ход, – проиграна. И об этом свидетельствуют финалы произведений.

Таким образом, в рассматриваемых текстах принципиально важным аспектом поэтики являются особые напряженные отношения между альтернативной реальностью, изображенной в произведениях, и реальностью читателя, когда сквозь альтернативную, лучшую реальность проглядывает реальность историческая.

Литература

1. Арабов, Ю. Столкновение с бабочкой / Ю. Арабов. – М.: Редакция Елены Шубиной, 2014. – 352 с.
2. Бережной, С. Прошлое как учебный полигон: Очерк истории "альтернативной истории" / С. Бережной // Сайт Сергея Бережного на Русской Фантастике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://barros.rusf.ru/article274.html>. – Дата доступа: 20.02.2017.
3. Довгер, М. Быть больше самого себя. Юрий Арабов о предназначении, столкновении с бабочкой и прочих важных вещах / Марина Довгер // Eclectic. – 2013. – № 9. – С. 90-93.
4. Лотман, Ю.М. Изъявление Господне или азартная игра? Закономерное и случайное в историческом процессе / Ю.М. Лотман // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. - М. : Гнозис, 1994. - С. 353-363.
5. Лотман, Ю.М. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман // Семиосфера. – СПб: Искусство-СПБ, 2000. – 704 с.
6. Лотман, Ю.М. Смерть как проблема сюжета / Ю.М. Лотман // Studies in Slavic Literature and Poetics. Vol. XX; Literary Tradition and Practice in Russian Culture: Papers from an International Conference on the Occasion of the Seventieth Birthday of Yu. M. Lotman. Amsterdam; Rodopi, 1993. P. 1–15.
7. «Правда 24»: Юрий Арабов - о книге «Столкновение с бабочкой» // Телеканал «Москва» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=EQyU709qATw>. – Дата доступа: 20.02.2017.

8. Толстая, Т. Сюжет / Т.Толстая // Толстая Т. Любишь – не любишь. М.: Оникс, Олма-Пресс, 1997. – С. 258-269.
9. Штерн, Б. Второе июля четвертого года. Новейшие материалы к биографии Антона П. Чехова / Б. Штерн. – Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2005. – 88 с.

Sergeeva E.N.
Samara National Research University
e-mail: e.n.sergeeva@gmail.com

The aspects of the interrelation between historical reality and its alternate versions (T. Tolstaya "The plot", B. Stern "The Second of July 1904", Y. Arabov "The collision with a butterfly")

Keywords: alternate history; the image of time; recursivity; historical reality in fiction.

The aim of this article is to study the works of the Russian prose-writers who focus their attention on the alternate versions of the course of Russian history. The plot is based on the so-called "parting" of the historical process, which generates a new historical reality. However, although these texts portray the alternate reality which is supposed to be the improved version of the course of history, the reader can easily identify the actual historical reality. This article deals with the aspect of the interaction between fictional and historical realities.

Т.Г.Симонова
Гродненский государственный университет имени Я.Купалы
e-mail: simonova_tg@inbox.ru

УДК 821.161.1

ТВОРЧЕСКОЕ ПРЕОБРАЖЕНИЕ РЕАЛЬНОСТИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ МЕМУАРИСТИКЕ

Ключевые слова: действительность, мемуары, достоверность, факт, беллетризация.

В статье рассматривается процесс трансформации реальности в литературной мемуаристике XX столетия, когда осуществляется постепенный переход от фактографического отражения прошлого к созданию художественно преобразенной картины мира. В результате мемуарный текст приобретает отчетливо выраженные признаки художественной прозы.

Распространенный вариант отношений «литература и действительность» – заимствование литературой фактов, передача жизненных впечатлений как основы для создания миметической «второй реальности». Степень приближения к действительности порождает определенные виды прозы: документальную, документально-художественную, собственно художественную.

Разные возможности прозы демонстрирует мемуарная литература XX века. Поскольку к ее созданию активно обращаются писатели, зазор между фактографией и творческой трансформацией реальности все время сужается. «Полная реконструкция прошлого невозможна в принципе из-за несовершенства человеческой памяти и индивидуальности восприятия мира. Поэтому максимальной возможностью мемуаристики является приближенное к действительности отражение, подобное, но не тождественное ей. Степень этого приближения может варьироваться в силу субъективных и объективных причин» [7, с.149].

Уровень достоверности мемуарного текста определяется авторской интенцией. Стремление дать по возможности полную и точную информацию о прошлом порождает мемуары, приближенные к документальной прозе. Чаще всего это мемуарные хроники («Люди, годы, жизнь» И.Эренбурга, «Я унес Россию» Р.Гуля, «Курсив мой» Н.Берберовой, «Бодался теленок с дубом», «Угодило зернышко промеж двух жерновов» А.Солженицына), мемуарные очерки («Некрополь» В.Ходасевича, «Живые лица» З. Гиппиус). В ряде случаев мемуаристы опираются не только на собственную память, но используют документы как обоснование подлинности рассказанного ими. Так поступают Эренбург, Гуль, а Солженицын даже создает дополнительные к основному тексту документальные приложения. Эффект документальности обеспечивается и стилистически – обладанием описания и повествования над другими формами словесного изображения.

Тем не менее, любое мемуарное сочинение не может охватить всей полноты увиденного и прожитого автором. Каждый писатель производит отбор материала, руководствуясь внутренними побуждениями, внешними причинами, профессиональными соображениями относительно композиции и состава текста. Эренбург, разворачивая масштабную картину политической и культурной жизни первой половины XX века, скупко говорит о собственной биографии. Гуль освещает эпопею русской эмиграции, сосредоточивая внимание вокруг ее основных центров: «Россия в Германии», «Россия во Франции», «Россия в Америке». Отбор и монтаж фактов – первые шаги к созданию художественной картины мира. Художественный компонент мемуаристики усиливается преломле-